

Иностранные колонисты греко-российского исповедания в Поволжье

В числе иностранных колонистов Поволжья имеется небольшое число семей православного исповедания, главным образом, в колонии Елшанке (Саратовской губернии, Камышинского уезда, Каменской волости). Каким образом и из кого составилась этот разряд иностранных колонистов среди обитателей Поволжья?—На этот вопрос, как бы мимоходом, ответил А. Н. Минх в своем „Историко-географическом словаре Саратовской губернии“, назвав православных колонистов Елшанки обрусевшими греками. Но этот ответ—ни больше, ни меньше, как только предположение, не имеющее под собой твердых оснований. В действительности состав и условия образования этой группы населения гораздо сложнее.

Само центральное правительство долгое время не подозревало о её существовании. В 1808-м году экспедиция государственного хозяйства, усмотрев из мемории Саратовской конторы опекунства иностранных о решенных делах за июль месяц этого года, что „между колонистами, ведомству её принадлежащими, состоят люди греческого исповедания“, заинтересовалась этим фактом и предписала конторе „доставить уведомление, каким образом переход в оное последовал, и много ли теперь таковых людей в колониях находится“?

Этому запросу экспедиции обязаны мы сохранением сведений об условиях образования и составе православной группы колонистов. Получив его, саратовская контора, не ограничиваясь имевшимися в её распоряжении сведениями в делах бухгалтерии, ¹⁾ потребовала от всех обер-форштегеров обстоятельных донесений о проживающих в колониях православных колонистах.

По собранным таким образом сведениям оказалось, что первоначальными православными насельниками Елшанки, водворенными в ней между 1764—1769 гг., были следующие лица:

Иван Саватский, Николай Штанов и Егор Минстер — три отставных гусара Санкт-Петербургского гусарского полка, давшие колонии второе её название (Гусары) и перешедшие в православие еще во время службы в названном полку; колонист Юриц, принявший православие также состоя на военной службе; Кондратий Соколовский, бывший „греко-российского исповедания“, по-видимому, от рождения и, наконец, Иван Анастасьев (Анастас) грек, приехавший в 1766-м году из Астрахани в Саратов.

Кроме Саватского, принятого канцелярией опекунства иностранных, все они были зачислены в колонисты её конторою в Саратове.

¹ Эти сведения не могли быть полными: так как при вступлении колонистов в брак с православными женщинами „вольного происхождения“ колонистский долг казне не увеличивался, то соответствующих отметок в бухгалтерских книгах и не делалось.

Один из них вовсе не оставил потомства (Юриц), другой (Соколовский) оставил одну дочь, три бывшие гусара оставили каждый по одному сыну (Саватский, Штанов, Минстер); самым же многочисленным было потомство грека Ивана Анастасьева от его брака "с русской девкой" Прасковьей Алексеевой: он оставил четырех сыновей и одну дочь; после же его смерти, в его семье числилось в 1808-м году, вместе с его вдовой-старухой 75 лет, двенадцать душ обоего пола. Это преобладание потомства Анастасьева среди населения Елшанки, вероятно, и дало повод думать, что православные её обитатели — обрусевшие греки.

Всего среди населения Елшанки в 1808-м году состояло 26 душ православных обоего пола. ²⁾

Но, кроме Елшанки, православные целыми семьями или отдельными лицами проживали и в других колониях, а именно: в Екатеринштате, Борегарде, Кано, Паульской, Шафгаузен, Отроговке, Теляузе, Привальной, Гнилушке, Каменке и Россоши всего в числе 29 душ обоего пола. Это были или колонисты, сами принявшие православие, или православные жены колонистов с их детьми, крещеными также в православную веру. Так, колонист из Отроговки Иван Павлов Галле с малолетства находился в плену у киргизов, а после выхода из плена долгое время жил у казаков на Урале, где и принял православие. В 1807-м году в возрасте 35 лет, он явился и зачислен в колонию Отроговку по предписанию министра внутренних дел. Колонист Привальной Георг Фейль принял православие и женился на русской крестьянке, находясь в течение 18-ти лет (1770—1788 г.г.) в бегах. Колонист Теляузы Вильгельм Ковач, проживая долгое время в г. Саратове. „принял по желанию греко-российское исповедание". По-видимому, переход Ковача в православие связан был с его женитьбой на саратовской мещанке Дарье Пичугиной, которая была вдвое моложе своего жениха. Колонист Гнилушки Михаил Брейт, вместе с своим отцом также проживая в Саратове в услужении у статского советника Есипова, «принял по желанию греко-российское исповедание», а затем женился на саратовской мещанке Лашмановой.

Колонисты, и не принимая православия, иногда женились на русских, если им более или менее значительное время приходилось проживать вне колоний. Возвращаясь на родину, они приводили туда с собой и своих православных жен вместе с прижитыми от них детьми, крещеными также, согласно закону, в православное исповедание.

Так, колонисты Готфрид Шульц (из Паульской) и Андреас Ример (из Кано) женились на вольно-отпущенных крестьянках: первый, состоя управителем у помещика Бекетова в селе Бекетовке, Пензенской губернии и уезда, а второй — строя вместе с отцом мельницу у помещика Столыпина в деревне Покровской,

² Сто лет спустя, к 1-му января 1910 года, в Елшанке состояло 128 душ православного исповедания, а именно: потомков грека Анастаса (Анастасовы, Анастасьевы) 71 душа обоего пола, потомков Штанова 46 душ и потомство не упоминаемого выше Рogaжевского — 11 душ. Справка об этом из посемейного списка Елшанского сельского управления любезно сообщена нам Христофором Петровичем Шааб, коему и приносим свою искреннюю благодарность.

Нижегородской губернии, Лукояновского уезда. Лоренц Гиль из колонии Шафгаузен, «живший на кавказской линии», женился на малороссиянке из Георгиевской крепости.

Иногда колонисты женились на женщинах „благородного" происхождения: колонист Гольцфогт (колония Екатеринштат) женился на дочери капитана Романова Аграфене из г. Симбирска; колонист Петер Шверд (колония Каменка), находясь в Ростовской крепости (Ростов-на-Дону), женился на дочери поручика Ермолаева.

Подводя итоги доставленным саратовской конторой сведениям, мы вместе с экспедицией государственного хозяйства можем принять следующий вывод о происхождении православной группы колонистов: „некоторые колонисты, бывши по разным случаям в отлучках, вступили в брачный союз с женами греческого вероисповедания, а иные из них, колонистов, сами по желанию в оное входили, и прижитых как в первом, так и в последнем случае детей вводили в оное"; но при этом мы должны сделать ту оговорку, что были единичные случаи принятия в число колонистов и лиц, православных от рождения (грек Иван Анастасьев и, по видимому, Кондратий Соколовский), или перешедших в православие до зачисления в колонисты (три названные выше гусара и Юриц). Мало по малу число православных колонистов в Поволжье к 1808 году возросло до 55 душ обоего пола (22 мужского и 33 женского пола), или 18-ти семей. Из них только десять семей имели свои хозяйства в колониях, прочие же проживали в разных городах по паспортам.

Раз возник вопрос о православных колонистах и заинтересовалось ими высшее начальство, то контора, чтобы выслужиться пред последним, решила показать свое попечение об их религиозно-нравственном состоянии. Она сочла нужным число православных колонистов „сделать известным пензенской духовной консистории, дабы священники соседственных селений за точным отправлением исповедуемой ими веры по уставам греческой церкви имели с своей стороны наблюдение до того времени, когда возможность будет свести их в одну колонию и определить им священника". Мало того: в своем донесении экспедиции государственного хозяйства от 28 декабря 1808 года контора обещала представить „должное дополнение" „о трех в колонии Баратаевке в замужестве за колонистами живущих женщинах — Юлиане, Анне и Анне—Лизбете, кои хотя и рождены от матери греческого исповедания, но исповедуют ныне веру лютеранскую", т. е. другими словами, контора намеревалась возбудить дело о возвращении помянутых женщин из православия в лютеранство.

Экспедиция государственного хозяйства, „признавая принятые конторою меры о наблюдении за исполнением" православными колонистами „их вероисповедания основательными", полагала «предписать конторе оставить всех таковых, как ныне состоящих так и впредь быть могущих колонистов греческого

исповедания в покое, не делая им ни в принятии ни в содержании оною никакого препятствия или затруднения. ³⁾

В частности экспедиция высказалась против проектированного конторою переселения всех православных колонистов в одну колонию, „как по малому их числу, так и по неудобности отделять семейства принужденно из колоний, где они имеют своих родственников и назначенные участки земли.“

22-го января 1809 года заключение экспедиции было утверждено министром внутренних дел, о чем контора и поставлена была в известность предписанием от 25-го января того же года. ⁴⁾

[Г. Писаревский.](#)

(Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. 33. 1916, с. 85-88.)

³ Но отсюда до преследования названных выше женщин за уклонение от православия— дистанция огромного размера.

⁴ Архив Главного Управления Землеустройства и Земледелия, № 2385—3049, „Дело по выписке из мемории саратовской опекунской конторы касательно находящихся в саратовских колониях греко-российского исповедания колонистов“.